

Зоран Дрвенкар

МИССИЯ «ЛУЧШАЯ ПОДРУГА»

Перевод Елены Приваловой

МИОО

Ошибки в воспитании Пандекраски Пампернеллы

Пандекраска Пампернелла стояла на большом пальце левой ноги и пыталась удержать равновесие. Она знала, что нельзя смотреть вниз, ведь прямо под ней, на расстоянии двухсот метров, словно гигантский ковёр с рисунком из лесов и рек, расстилалась Флоринская долина. Долину пересекали луга и ущелья, а в самом её центре под кустом притаился кролик. Было там и чудесное озеро, которое так и манило скинуть одежду и искупаться. Но Пандекраску Пампернеллу не интересовали ни прекрасный пейзаж, ни кролик. И уж тем более она не собиралась купаться в озере.

Её заботило совсем другое.

Наша героиня балансировала на узкой балконной балюстраде на четвёртом этаже Флоринского замка, вытянув вверх правую руку — казалось, она пытается почесать животик солнцу. В этой позе она немного напоминала статую Свободы в Нью-Йорке — с той разницей, что статуя Свободы носит *викторианский начёс*, а у Пандекраски Пампернеллы на голове был стильный *гладкий пучок*. Но главное отличие между статуей и героиней состояло в том, что в руке у Пампернеллы Пандекраски не было факела: вместо этого на кончике её пальца сидел сокол.

Птица эта давно оставила попытки понять, что она вообще здесь забыла. Всем своим видом сокол демонстрировал, что предпочёл бы оказаться в любом другом месте — ему уже порядочно надоело сидеть на кончике пальца. Сокол слегка покачивался: не так-то просто цепляться когтями за маленький палец, каковым, впрочем, и должна обладать одиннадцатилетняя девочка (если она, конечно, не баскетболистка).

— Смотри не упали! — крикнула королева Флоринского замка (она не любила, когда её называли мамой). Голос королевы всегда звучал так, будто она только что опоздала на поезд.

— Смотри не упади к нам на стол! — крикнул вслед за ней король Флоринского замка (он не любил, когда его называли папой). Голос короля всегда звучал раздражённо, как будто в его чашке закончился кофе, а слуги, который мог бы её наполнить, рядом не оказалось.

— Эта глупая птица совсем разжирела, — проворчала Пандекраска Пампернелла (хотя она и была принцессой, ей тоже совсем не нравилось, когда её так называли). Она говорила себе под нос, однако сокол услышал оскорбление и обиженно покосился на хозяйку. Он давно начал чувствовать, что его разлюбили. А разве есть что-нибудь хуже угасшей любви?

В защиту нашей героини стоит отметить, что сокол и впрямь растолстел — такова судьба всякого хищника, которому больше не нужно добывать пищу самостоятельно. Вот уже несколько месяцев Пандекраска Пампернелла пыталась дрессировать питомца, и всё это время сокол мечтал лишь вновь оказаться в клетке и поклёвывать мышей, которых клал перед его клювом слуга. Однако вместо этого приходилось каждое утро усаживаться к Пандекраске Пампернелле на кончик пальца и выслушивать, какие трюки он должен выполнить:

— Подними-ка левое крыло! Запрокинь голову и покричи! Потрись клювом о мою руку!

До сих пор сокол послушно выполнял все команды — поднимал крыло, кричал и тёрся клювом о руку хозяйки, словно довольный котёнок. Но от внезапного оскорбления пёрышки на голове его вздыбились, и он решил, что пора взбунтоваться.

И вот сокол клюнул нашу героиню за палец.

Звучит безобидно, но на деле ничуть. Это была подлинная месть, достойная растолстевшего сокола. Пандекраска Пампернелла зашипела; на пальце её выступила капелька крови и, сбежав вниз, закатилась красной жемчужиной в ладонь. Не дожидаясь реакции хозяйки, сокол расправил крылья и умчал в сторону своей клетки.

В этот самый момент произошло необычайное событие: стоило соколу упорхнуть с пальца, как наша героиня закачалась, будто травинка на ветру, и начала терять равновесие. Случилось то, что непременно случается, если стоять на узкой балюстраде, опираясь на большой палец левой ноги. Пандекраска Пампернелла пошатнулась назад, потом вперёд, и наконец неумолимая сила тяжести

утянула девочку вниз. Не в силах сопротивляться, наша героиня с беззвучным криком полетела туда, где простиралась долина.

В любой другой истории король немедленно вскочил бы с места и бросился спасать дочь. Ведь как иначе поступать храбрым отцам, которые любят своих детей и готовы ради них на всё?

К несчастью, король восседал этажом ниже за роскошно накрытым столом и вкушал один из двух круассанов, которые ему каждое утро доставляли из далёкой кондитерской «У Анри». Король скорее сам бы спрыгнул с балкона, чем оставил на тарелке хоть один несъеденный круассан.

Нет, на его помощь рассчитывать не приходилось.

А как насчёт королевы?

В любой другой истории королева немедленно вскочила бы с места и поспешила на помощь дочери. Ведь как иначе поступать любящей матери, которая родила единственного ребёнка и не собирается заводить другого ему на замену?

В случае королевы помехой были не круассаны — Её Высочество вообще никогда не завтракала

и не обедала, да и на ужин не притрагивалась даже к листу салата. Она питалась солнцем, к которому тянулась, словно цветок, каждую свободную минуту. «Вот сумасшедшая, да ещё, небось, и кошмарно тощая!» — вероятно, подумали вы. Что ж, ваше право, однако на самом деле всё обстояло совсем не так. Королева питалась исключительно солнечным светом и лимонной водой со льдом с тех самых пор, как родилась наша героиня, — вот уже одиннадцать лет. И всё-таки с каждым днём становилась лишь краше.

Бог знает, как это ей удавалось!

Но даже без круассанов от королевы не приходилось ждать помощи, потому как она восседала рядом с королём на террасе, потягивала лимонную воду и с удивлением наблюдала за акробатическими трюками дочери. Она лишь сделала то, что хорошо умеют любящие матери, — поставила стакан на стол, в ужасе прикрыла глаза ладонью и воскликнула:

— Ой-ой-ой!

А наша героиня продолжила лететь вниз.

Здесь кончается наша история о короткой, но полной драматизма жизни одиннадцатилетней

девочки, которая с рождения каждый день носила новую причёску, умела ездить верхом, фехтовать и жонглировать одной рукой, ходила под парусом без спасательного жилета и во время шахматной партии просила завязывать ей глаза, чтобы дать шанс противнику. Вряд ли в мире было хоть что-то, чего Пандекраска Пампернелла не повидала. Она трижды посетила церемонию вручения «Оскара», ей посвятил коллекцию известный модельер Гальяно, а в магазинах продавался телефон, который включался, только если четыре раза подряд назвать имя Пандекраски Пампернеллы (и, будьте любезны, с французским акцентом).

Все эти радости жизни не производили на нашу героиню особого впечатления. Её вообще мало что впечатляло. Пожалуй, только хороший эспрессо.

Горячий эспрессо без молока и без сахара был её любимым напитком. Никакой другой кофе наша героиня не жаловала. Мяса она не ела, да и при виде рыбы морщила нос, зато питала слабость к батату и не могла пройти мимо шоколадного пудинга, не обмакнув в него палец. У неё ещё никогда не было подруги — ни в жизни, ни даже в интернете, — слишком уж она была избирательна. Зато

имелась заклятая врагиня, упоминать которую, впрочем, нам не дозволено. Всегда и везде героиню сопровождал телохранитель, носивший звучное имя Сянь Сянь Юй и до того ненавидевший подниматься по лестницам, что все лестницы немедленно выпрямлялись при его приближении. В этот самый момент телохранитель стоял во дворе перед замком и, запрокинув голову, смотрел, как падает его госпожа.

Он тоже ничем не мог ей помочь.

В сущности, с самого рождения Пандекраске Пампернелле везло больше, чем кому-либо ещё. Потому-то она ни на секунду не допускала мысли, будто может умереть так внезапно. И тем не менее наша история на этом должна закончиться, как и любая другая.

«Ну уж нет!» — подумала Пандекраска Пампернелла, пролетая мимо королевской четы и слуг, которые стройным рядом стояли возле накрытого стола, готовые исполнить все желания господ. Даже если эти желания неисполнимы.

— Ловите её! — крикнул слугам король.

— Сделайте что-нибудь! — воскликнула королева.

Слуги вскочили, вытянув перед собой руки, но, разумеется, было уже слишком поздно — Пандекраска Пампернелла спланировала мимо них в долину. Долина эта, хотя до сих пор они с нашей героиней находились в самых дружеских отношениях, теперь стала для девочки злейшим врагом, ведь, кроме уютных лугов и маленького озера, она состояла также из валунов, острых скал и пней, налетев на которые с высоты двухсот метров, можно разбиться на мелкие кусочки.

Хоть героиня и не догадывалась, чем закончится это падение, она точно знала, что не собирается умирать так внезапно.

«Ещё рановато», — подумала она.

Поскольку мы не можем завершить повествование прямо сейчас, расскажем, что происходило с нашей героиней во время её свободного падения.

Она продолжала падать. Падала, падала, падала.

Врезáлась в ветку, в другую, пролетела между ёлками. Так сильно ободрала нос о скалу, что её глаза даже начали косить. От одного дерева она оттолкнулась вправо, от другого — влево, напугала уже знакомого читателю кролика, так что тот широко раскрыл глаза и оставил на земле несколько

горошин, а потом упал набок и притворился мёртвым.

Ещё через восемьдесят метров падение вдруг прекратилось. Пандекраска Пампернелла приземлилась на соломенную подушку, которую ежедневно готовила прислуга, чтобы обеспечить госпоже мягкую посадку. Радостно взвизгнув, наша героиня спружинила и снова упала в сено в двадцати метрах, после чего съехала на попе до озера и остановилась прямо перед деревянным домиком.

Там-то она и лежала теперь немного помятая и проверяла, не испортилась ли причёска. Потом встала и отряхнула джинсы от сена.

— Всё это начинает надоедать, — громко заявила она, поглядывая на небо, как будто увидела в вышине сокола. Но сокол был неглуп: он, разумеется, давным-давно сидел в клетке и делал вид, словно ничего не произошло. Пандекраска Пампернелла сжала руку в кулак и потрясла им в воздухе, после чего послышался раскат грома. Наша героиня, довольная собой, опустила руку.

Но она ещё не сполна выразила возмущение.

Взволнованная, она торопливо ступила на мостик, на дальнем конце которого сидел человек. Услышав её шаги, тот поднял голову от блокнота.

Ноги человека болтались в воде, и был это не кто иной, как ваш покорный слуга. Поправив очки, я поинтересовался, когда же Пампернелле Пандекраске наскучит дрессировать своего глупого сокола.

— В который раз ты уже пытаешься?

Пандекраска Пампернелла начала считать на пальцах. Это заняло у неё пару минут.

— В восемьдесят третий, — наконец ответила она и бросила взгляд на блокнот, где я фиксировал всё, что случилось с нашей героиней, поскольку был её официальным биографом и сопровождал её со второго года жизни.

«Не может быть! Ни у кого в два года не бывает биографа!» — должно быть, воскликнете вы.

Ваше право усомниться, ведь вы не знакомы с Пандекраской Пампернеллой. Но стоит этой девочке чего-нибудь захотеть, как её желание осуществляется. Говорить она научилась в два года, и третьей произнесённой ею фразой стало требование личного биографа.

Первая фраза звучала так: «Ну наконец-то!»

Второй стал вопрос: «Почему у меня до сих пор нет лошади?»

Поддав голос в третий раз, она объявила: «Хочу, чтобы кто-то записывал всё, что я думаю и делаю.

Он может со мной не любезничать, но лучше пусть постарается. Хочу... — тут Пандекраска Пампернелла немного помедлила, вспоминая нужное слово, — личного биографа, и побыстрее!»

Так в этой истории появился я.

Меня зовут Доминго Иглесиас де Сакраменто, но Пандекраска Пампернелла называет меня Дон Плуту, поэтому для всех и вся я Дон Плуту, официальный биограф Её Высочества, которая прямо сейчас заглянула мне через плечо и прочла, что я записал. Указав на одну из строчек, она заявила:

— Это неправда.

Я перечитал фразу:

«Пандекраска Пампернелла зашипела».

— Почему же неправда? — спросил я.

— Ты не мог меня слышать.

— Зато я всё видел! — ответил я, поглаживая подозрную трубу, которая лежала на мостике. Без этой трубы я никогда не выходил из дома. Пандекраска Пампернелла уже четыре месяца пыталась дрессировать сокола, и каждое утро я сидел здесь, наблюдая за падениями Её Высочества, как наблюдают за малышом, который учится ходить. Без подозрной трубы было бы далеко не так увлекательно.

— Это не шипение! — сказала Пандекраска Пампернелла.

— А что же?

— Звук возмущения.

— Изобрази-ка мне звук возмущения.

Пандекраска Пампернелла выполнила просьбу.

— Похоже на шипение, — заметил я.

— Нисколечко! Хочешь, я прошиплю?

Я кивнул.

Пандекраска Пампернелла прошипела.

— Вот как звучит шипение, — сказала она.

— А теперь изобрази звук возмущения, — снова попросил я.

Пандекраска Пампернелла повторила.

Получилось точь-в-точь как шипение.

Я биограф и дипломат. Однако далеко не дурак.

— Ага, вижу разницу, — сказал я.

— Ты врешь! — воскликнула героиня.

— Я твой биограф, — напомнил я. — Я не могу врать.

Пандекраска Пампернелла осталась довольна ответом и продолжила листать мои записи.

— А ты не хочешь написать о том, как мы встретились с профессором Мосс?

Я кивнул, поскольку давно планировал это сделать. Правда, мне мешало одно обстоятельство.

— Меня не было на твоих крестинах.

— И что? — не поняла Пандекраска Пампернелла.

— Может быть, эту историю ты расскажешь сама? — предложил я.

Пандекраске Пампернелле идея не пришлась по душе.

— Я главная героиня, — ответила она. — Не могу же я рассказывать про саму себя. Глупость какая-то.

— Всё случается в первый раз, — заметил я. — Подумай об этом.

Пандекраска Пампернелла склонила голову набок и целую минуту размышляла.

— Ни за что на свете, — ответила она и была такова.